

Четвертый разговор...
(о книге Е.Ф. Сабурова "Власть отвратительна")

Весной этого года издательство Государственного университета – Высшей школы экономики выпустило в свет монографию Евгений Федоровича Сабурова с интригующим названием "Власть отвратительна". Интрига состоит в том, что автор – представитель власти в недавнем прошлом: занимал руководящие должности в Министерстве образования, в 1991 г. был заместителем председателя совета министров, затем руководил Правительством республики Крым. Было бы логичным ожидать что-то вроде "сеанса магии с разоблачением" того, что такое власть в нашей стране и чем именно она отвратительна. Можно было бы также ожидать, что автор – доктор экономических наук, профессор – в университетском издательстве опубликует если не учебник, то научный труд, оснащенный полагающимся в таких случаях научным аппаратом, обилием ссылок на других авторов, их статьи, монографии.

Ничего такого в книге нет. Зато есть размышления об игровом обществе, образовании, анархии... Есть и "Три разговора" (не без тени В.С. Соловьева) нескольких очень разных людей: В.Успенского (математика), Е.Ясина и Я.Кузьмина (экономистов), М.Ходорковского (предпринимателя), А.Асмолова (психолога), Ю.Плотинского (социолога), Е.Пенской (филолога), В.Некрасова и М.Айзенберга (поэтов), о проблемах, поднятых в книге. Само название книги – два слова из четырех строк О.Мандельштама, вынесенных автором в эпиграф. Рядом в этих строках поминаются Европа, Италия, улыбающийся брадобрей... И это не кокетство бывшего сановника. Скорее, дань уважения старшему по цеху поэтов – по завершении служебной карьеры Е.Ф.Сабуров опубликовал две книги своих стихов (в 1995 и 2001 гг.).

Автор совершенно сознательно не обременяет себя доказательствами своих соображений – чтобы вовлечь читателя в суть дела, не отвлекаясь на пространные скучные выкладки. Это позволило ему в довольно небольшой по объему – 10 п.л. – книге заглянуть в глубь на первый взгляд очень далеких друг от друга тем, выстроить свое видение будущего российского образования и не только его, сформулировать в конце книги семь "постулатов Сабурова", каждый из которых заканчивается выводом для образования. Именно вопросы, так или иначе связанные с образованием, и будут предметом данных заметок. Хочется надеяться, что обильное цитирование выдержек из книги "Власть отвратительна" позволит не только точно передать те или иные мысли автора, но и поможет читателю почувствовать колорит его языка.

Правда, для начала придется не согласиться с пониманием самого слова "образование", которое автору кажется не удачным. "В русском оно связано с писанием икон, формированием нового человека по образцу... По образцу можно сформировать из человека такое, что мать родная не узнает" (с. 61). Ему больше по душе "просвещение": "Показавший свет никого не толкает и никого не лепит. Он ждет. Историческая ирония состоит в том, что российские новаторы, придя в Министерство просвещения, тут же переименовали его в Министерство образования" (там же).

Метафора света как того, что дает просвещение, образование, – сквозная в книге "Власть отвратительна". Она прямо заимствована из христианства, как бы ни относился к нему автор книги¹. А если уж речь зашла об иконах, "образах", то это никак не "образцы" для "формирования". А если и образцы, то для подражания – "делать жизнь с кого" (по образу и подобию Его). Корень "раз" – это единица, нечто цельное, единое, причем не сложившееся из ранее существовавших тел, частей, и даже не "сформированное", а ставшее, об-раз-овавшееся. Штамповкой-формовкой здесь и не пахнет – только созида-

¹ "В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков; И свет во тьме светит, и тьма не объяла его" (Иоан. 1, 4-5).

ние самого себя как самостоятельного субъекта, творца. Конечно, образование субъектом самого себя идет не в полном одиночестве, не в тьме крошечной. Источник света есть. Свет и жизнь, просвещение и образование: две стороны одного процесса. Дающая сторона – просвещение. Именно поэтому министерству больше подходит определение с корнем свет. Образовать никто никого не может. Поэтому образование не может быть услугой, а просвещение – может. Но это если вдумываться в смысл слов, к чему и призывает нас поэт, хотя сам он это слово недолюбливает: "В России до сих пор поэты держатся за "смысл", подразумевая под этим словом психологизм причинно-следственных связей толстовско-достоевского происхождения" (с. 129). Именно поэтам Е.Ф. Сабуров отводит ведущую роль в изменении общества, в создании новых верований. Правда, примеры именно такой роли поэтов он видит, главным образом, в Англии начиная с XVII в. (В. Шекспира), а на восток дальше России не смотрит.

Может быть, ключевой для понимания образовательных поисков Е.В. Сабурова является одна мысль Т.С. Элиота, которую он полностью разделяет: "Согласно глубокой мысли Т.С. Элиота целью образования является обеспечение обучающегося навыком самостоятельного существования в реальном мире. Применительно к нашему времени, впрочем, как и ко времени Т.С. Элиота, это способность зарабатывать деньги, что он подчеркивал, будучи поэтом, а потому человеком предельно реалистичным и врагом всякой приблизительности" (с. 49).

Зарабатывание денег – это типичный пример как раз того самого причинно-следственного механизма, который так не нравится автору. Если к этой способности сводится цель образования, существование человека в реальном мире, то что остается при этом от самого человека, его способности быть не звеном механизма причинно-следственных связей, а реальным творцом, подобием Того, кто его сотворил "по Своему образу"? На самом деле образование должно готовить человека не только к зарабатыванию денег как средства существования, но и к умению реально существовать, жить по-человечески. Именно поэтому в современных документах об образовании говорится о четырех группах навыков, умений: learning to do, learning to know, learning to live together, learning to be (умения работать, учиться, общаться с другими и с самим собой) и, соответственно о четырех группах компетентностей: в плане деятельности, претворения задуманного в жизнь; профессионально-методическая; социально-коммуникативная; личностная. В западных рекрутинговых фирмах применяются даже тесты, фиксирующие наличие у ищущих работу различных навыков, представляющих собой разнообразные комбинации перечисленных выше базовых компетентностей, на предмет их соответствия потребностям тех или иных заказчиков. Например, такие навыки, как: готовность учиться; умение мыслить цельно; дисциплина; надежность – входят в группу личностно-профессиональных навыков, а такие, во многом перекликающиеся с названными, как: ориентация на знания; аналитические способности; деловитость; умение оценивать, выносить суждение – входят в группу профессионально-личностных навыков.

Умение творить, то есть быть причиной, не будучи следствием, – это едва ли не главное качество людей, востребованное "экономикой, основанное на знаниях", как чаще всего называют экономику, идущую на смену индустриальной. Разумеется, навыки творчества невозможно развить, ограничиваясь в образовании изучением причинно-следственных связей, не уделяя внимание собственной, спонтанной деятельности образовывающихся людей.

В образовании (просвещении) Е.Ф.Сабуров не видит никакого будущего у предметно-урочной системы, которую он называет гениальным изобретением Яна Амоса Каменского (с. 46), в обществе, идущем на смену индустриальному. Это новое общество он к тому же отказывается называть информационным, основанным на знаниях, как это делается практически повсеместно. Вот одно из характерных высказываний: "Интеллектуалы переходят к атаке на менеджеров. Однако представляется, что их аргументация, сводящаяся к тому, что для принятия решений нужны фундаментальные знания, весьма

не эффективна. В сущности, за ней стоит желание повернуть историю вспять и возвратиться в информационное общество, общество, которое уже не существует" (с. 52).

А вот еще одно высказывание, очень показательное: "Мне кажется, что уже сейчас можно было бы попытаться структурировать знание не с помощью предметного деления, но с помощью обозначения проблем. Сосредоточившись на проблеме, легче построить демонстрационную "начинающую" игру, которая бы обеспечила погружение обучающегося в проблему и позволила бы ему заняться постановкой и решением отдельных задач-вопросов. Роль экзаменов-испытаний могла бы в таком случае выполнить фильтрующая сеть игр, работающая как в режиме "стрелялок", так и в режиме антитетических (через Интернет) игр. Наиболее важным при этом представляется заключительная рефлексия обучающихся с непосредственным участием педагогов.

Высказанная здесь схема наверняка подвергнется модификации, но такие ее элементы, как "проблема", "фильтр" и рефлексия", сохранятся в соответствии с предъявляемыми рынком труда требованиями к качеству образованной рабочей силы.

В педагогической практике уже имеются отдельные опыты проблемного обучения, и среди них есть весьма успешные. Также большая работа проводится в области фильтрующей сети: подвергаются постоянным модификациям экзаменационные системы, широко распространяются тестовые методики, существуют попытки применения соревновательных методов. Чрезвычайно важным представляется прогресс, достигнутый психологами и педагогами в области методологии рефлексии.

Переход в игровое общество из информационного уже совершается. Он будет проходить осознанно или стихийно, но неумолимо" (с. 54-55).

Для Е.Ф. Сабурова формула "Знания-сила" – это длинный (1789 – 1914 гг.) XIX век, подготовленный просветителями в XVIII веке, а поэтами (начиная с В.Шекспира) еще раньше, в XVII веке, и завершившийся на глобальном уровне в XX веке. В этот период знания, информация, стали решающим фактором экономики, вытеснили с этой позиции природные ресурсы, особенно землю, навевавшую мальтузианские кошмары перенаселения. Но знания, особенно в головах людей, это не только экономический, но и социальный ресурс. Их сила, став массовой, сделала массовой и власть, которая от этого не стала менее отвратительной. "Ванька Каин покажет всем, что такое настоящий Ричард III" (с. 125).

С резким, даже катастрофическим удешевлением получения и переработки информации, а также возможностей ее существования и преобразований вне головы человека – компьютеры причиной всему перечисленному – она также перестает быть реальным ограничением экономической деятельности. Сколько надо, столько ее и будет, и даже больше, причем намного. Главным ограничением, совершенно неустранимым, остается сам человек, его способность принимать решения, решающее значимые для продолжения жизни – и его самого, и всех других людей, в том числе и еще не родившихся.

Можно сказать, что компьютер поставил точку на знаниях, науке как силе человека. Причем не только на знаниях как таковых, но и на умениях ими рационально пользоваться. В шахматы люди уже играют хуже машин. Теорема, распечатка компьютерного доказательства которой занимает чуть ли не 1000 страниц, вряд ли может быть доказана "вручную".

Пожалуй, можно согласиться с Е.Ф.Сабуровым, что человеку вряд ли пристало всерьез заниматься тем, что машина делает лучше него. Человек в это может только играть, соревнуясь с другими, с собой. В этом смысле, действительно, информационное общество уже принадлежит прошлому. А что же после него? Ничего, если иметь в виду именно "чтойность", а не "ктойность". Следующее общество должно характеризоваться уже не объектными свойствами (неолит, аграрное, индустриальное, информационное), а субъектными.

Будущее общество, уже становящееся настоящим, Е.Ф. Сабуров видит как игровое. Вот наиболее существенные его свойства в образовательной сфере, как они ему видятся:

"Появление новых информационных технологий с использованием компьютерной техники во многом снимает ограничения и выполняет две функции, помогающие переходу в новое качество.

Во-первых, изменяется отношение к информации. Если в информационном обществе наибольшую ценность представляло владение информацией, багаж знаний, то в игровом обществе важнее доступ к информации, выбор справочного материала для принятия решения об оптимальном поведении. Информация переходит из состояния личного богатства в состояние общественного справочного ресурса... В сфере интеллекта повышенная ценность переносится на способности определить, какого рода справочные данные нужны для решения той или иной конкретной задачи.

Во-вторых, компьютерные технологии позволяют сделать игровое обучение массовым... Элитность перестает быть непременным следствием индивидуализации обучения, так как активное поведение ученика не создает дополнительных ресурсных ограничений. То, что ранее было доступно только математике (обучение посредством решения задач), распространяется значительно шире посредством игр и выигрышей... Старания представить Интернет только средством дистанционного обучения по старой системе будут продолжаться, но неигровые методы контроля "усвоенности" материала будут отвергнуты обществом.

Наибольшим переменам подвергнется учительское сословие. Его роль неизмеримо возрастает. Представляется, что оно разобьется на две группы. Первая из них, состоящая в свою очередь из двух подгрупп, будет непосредственно работать в глобальной сети, организуя и пополняя информационные массивы, а с другой – расширяя пространство игр. Вторая, по видимости противоборствующая, займется внеинтернетовской деятельностью обучающихся, сводящейся к организации соревнований, испытаний, опытной практики и осмысления происходящего...

Экзамены были и будут всегда соревновательным, итоговым методом доказательства своей "зрелости"... Выделенные из рутинной жизни испытания (инициация), требующие напряжения сил, свойственны человеческой природе. Отсутствие оценки, признания больше травмирует психику, чем стрессовые ситуации...

Переход с уровня на уровень в образовательном пространстве будет естественным результатом соревнований, а непрерывность игрового пространства будет достигаться все большим вытеснением неоформленной "обыденности" из жизни общества" (с. 45-48).

Игра как способ обучения, педагогическая технология – не изобретение Е.Ф. Сабурова (сам он упоминает Л.Выгодского и В.Давыдова (с. 45)), но, по его мнению, общество еще не осознало ее принципиально новое качество.

"Значение игр в образовании подчеркивалось многими педагогами и психологами. Однако при этом не происходило покушения на "серьезную" составляющую образования – саму информационную систему. Игры в образовании либо дополняли, либо подготавливали к восприятию и запоминанию информации.

Но игры не были изобретением педагогов. Игры пронизывают жизнь. Образование, отказавшись от игры, становилось "серьезней", скучней и бесформенней жизни...

В смысле владения информацией и традиционного образования европейский человек выше американского. В смысле нацеленности на выигрыш в игре – американский выше...

Вызов образованию со стороны общества заключается в требовании не снабдить учащегося еще большим количеством информации, но научить его играть и выигрывать, используя информацию как дополнительный механизм для выигрыша. При этом ролевые игры... должны потесниться и дать место агрессивным, ориентированным на победу играм.

Наслаждение от создания (классический тип) в информационную эпоху сменилось наслаждением от познания и внушения знания другим (романтический тип), а сейчас уступает место наслаждению от выигрыша и решения задач (игровой тип).

Было бы ошибкой считать, что наблюдаемый сегодня образовательный кризис – это кризис только образовательный. Уверенно можно констатировать, что мы пришли к культурному кризису...

Парадигма приобретения знаний состоит в том, что есть Оно (природа, мир), и миллионы Я, помогая или мешая друг другу, изучают и осваивают технологически разные кусочки необъятного Оно. Сегодня эта парадигма потеряла вдохновляющий для человека характер. Тоска по цельному знанию есть тоска... по взаимодействию не между Я и Оно, а между Я и Ты, что означает переход к отношениям игрового характера...

Навыки взаимоотношений между активными субъектами становятся важнее взаимоотношений с пассивной природой... если в информационном обществе царил культ причинно-следственных связей..., то теперь дробность и ограниченность действий стали их положительной характеристикой" (с. 35-41).

Итак, на смену информационному (=индустриальному) обществу с мертвечиной холодных знаний, логичностью, серьезностью, пассивностью обучающихся, по мысли автора должно придти, и уже идет, общество игровое.

По-видимому, во многом с ним приходится согласиться. Во всяком случае, компьютеры сейчас стали средством не столько облегчения расчетов, как это было на самом первом этапе их возникновения (математика ядерных реакций), и удешевления делопроизводства в государственных и частных заведениях (стандартные текстовые и табличные редакторы покрывают почти все рутинные потребности в обработке информации), сколько организации времяпрепровождения людей самых разных возрастов за играми все возрастающей сложности и "реалистичности" в индивидуальном и групповом вариантах.

Соединение игровой и образовательной компонент информационно-компьютерных технологий (ИКТ), которые пока развиваются во многом параллельно, скорее всего, рано или поздно произойдет. Возможно, мы тоже сможем принять в этом участии не только в лице программистов, получивших базовое образование в нашей стране, но и как создатели игр, способствующих образованию людей будущего, способных делать его более светлым, чем настоящее, способных просветлять, нести свет.

Но есть несколько "но". Во-первых, игры сами по себе – не изобретение людей. В игры играют и животные, особенно молодые, только вступающие в жизнь. "Игра же была и до человека. Она старше человека" (с. 77). Можно сказать, что образование как игра – это свойство мира животных. Игры человека должны чем-то от них отличаться, чтобы стать формой образования именно людей.

Может быть, действительно "агрессивностью, ориентированностью на победу"? Ведь именно это отличает, по мысли автора, всестороннюю эффективность англосаксонского общества.

"Гордые – и, безусловно, заслуженно гордые англосаксы – говорят об импорте институтов. То есть, если некоторая страна не сумела инкрементно вырастить эффективные институты, то она должна импортировать англосаксонские эффективные – самые эффективные институты. Спорить нечего. Это правда. Но как импортировать институты? И правда ли, что в самой Англии, а от нее в США институты выросли инкрементно? По Дарвину?...

Позволю себе только одно замечание. Экономика *lasses fair*, то есть та самая великая эффективная англосаксонская экономика, была введена волевыми актами английского правительства в начале XIX века. Она ни в коем случае не родилась инкрементно, но была плодом обаяния, которое источали труды А. Смита...

Значит, не импорт институтов, а метафора, перевозка мебели. Одной партии на свалку, а другой, новой, в квартиру. Но как нам найти эту метафору?...

США комфортны, как разношенный башмак.

Другие страны беспокоились о своей самобытности больше, чем о своем благосостоянии. В смысле эффективности, как бы ни понимать это слово, они зашли в тупик. Выпали из окна в болото. Какой позор для французской культуры – государственная регламентация показа французских фильмов в кинотеатрах! Но все-таки Германия, Франция, Северная Италия, Испания приняли англосаксонскую политическую культуру, впрочем, назвав ее с изяществом носорога "гражданским обществом"...

Я не могу спрятаться от проблемы, от тяжелейшей проблемы, которая гнетет меня постоянно. А как быть с моей любовью, с моей Россией? Как нам найти свою метафору, метафору институтов?...

Метафора не может произойти на уровне институтов, а тем более организаций. Если не будут затронуты *верования*, то грош цена этой метафоре. Она работать не будет...

Говорю открытым текстом: метафора институтов нам может быть дана только просвещением... Надо показать свет, а не лепить себе подобных и уж тем более не учить знаниям, умениям и навыкам выкручиваться в обстоянии *мертвых верований*.

Только верования, только их метаморфоза могут способствовать выходу из болота, из тупикового развития... А верования меняются только через мифы и обряды...

Верование, реализуемое в правилах игры – институтах. Институты, застывающие в организациях. Очистительный смех. Новые нарушители. Тупики. Эффективность. Без конца? Не знаю.

Во всяком случае – игра. Как можно меньше серьезности². Как можно меньше мертвечины. Бог наш есть Бог живых, а не мертвых" (с. 132-135, курсив мой – Л.Г.).

Е.Ф. Сабуров здесь неявно цитирует Евангелие. Но Иисус проповедовал любовь³, а не агрессивность, не стремление к победе над ближним, не "выигрыш" как эффективное следствие предпринятых удачных действий. Вряд ли современные американцы могут считаться Богоизбранным народом, какими были Ветхозаветные иудеи.

Если что и отличает людей от животных, так это способность добровольно пожертвовать собой ради других людей, близких или далеких. Именно этим они подобны Богу, если следовать христианскому вероучению. Ключевое понятие – любящая "добрая воля". Именно оно противостоит "мертвечине" причинно-следственных связей, в том числе и ведущих к "выигрышу". Е.Ф. Сабуров многократно выступает против засилья этих связей, обвиняя в приверженности им и Ф.М. Достоевского. Однако, как представляется, делает это не вполне последовательно. США, по его собственной оценке, это комфортное как разношенный башмак общество "регламентированной любви" (с. 133). Это как, "любовь по расписанию", в "доме терпимости"⁴? Ну и кто и во что при этом играет?

Во-вторых, практически все игры, в которые сейчас играют люди на экранах ТВ, в том числе и "с применением компьютеров", вряд ли можно назвать "образовывающими людей" хоть в какой-то мере. В большинстве своем они заставляют людей изображать из себя запоминающие устройства, соревнующиеся в объеме "памяти" и скорости доступа к ней. Если же им и приходится проявлять какие-то "человеческие" качества, то скорее, не

² Но: "Противопоставление "игра – серьезность" перестает работать" (с. 36); "Игра не противостоит серьезности" (с. 42). Можно ли все это вместе рассмотреть как игру с серьезностью человека, который "получил образование на мехмате МГУ" (с. 26)?

³ "Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, кто верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него" (Иоан. 3, 16-17). "Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (Иоан. 15, 12-13). "Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится" (1-е Кор., 13, 4-7).

⁴ Когда-то К. Маркс, будучи довольно молодым и горячим, назвал общество, основанное на отношениях обмена, обществом всеобщей проституции. Он что, был очень неправ?

самые лучшие, вряд ли заслуживающие того, чтобы их осваивали зрители. Достаточно упомянуть здесь передачу "Слабое звено", идущую на "1 канале", чтобы понять, о каком "образовательном эффекте" идет речь.

Поэтому, признавая за играми большое образовательное будущее, и даже настоящее, надо уже сейчас озаботиться совершенствованием "правил игры", точнее, законодательного регулирования образовательного процесса в целом, не ограничивая его в основном рамками "образовательных учреждений", как это пока принято в нашей стране.

Как в цитированных выше местах, так и в ряде других, Е.Ф. Сабуров много внимания уделяет вопросам веры, верований, обрядов, мистерий. Более того, однажды, как раз в связи с вопросом о власти, он называет себя верующим и видит в этом свое преимущество перед атеистом: "...мне легче – я человек верующий. Плохо, конечно, но верующий в Бога. Я принадлежу Ему. Атеисту сложнее быть свободным. Он все время тычется по сторонам в поисках власти" (с. 83).

Именно в отказе от мертвых верований он видит шанс для России. Но какие именно верования он считает мертвыми? В книге нет прямого ответа. Но есть, например, такие слова: "Почему именно слово "пастырь" стало синонимом религиозного лидера, а не, например, сеятель, о котором рассказана не менее замечательная притча? Не потому ли, что властолюбивым проповедникам удобно считать нас баранами" (с. 74). Странно читать такие вопросы. Ведь на тех же страницах Евангелия Иисусом сказано: "Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец" (Иоан. 10, 11).

Важно, тем не менее, что Е.Ф. Сабуров не отрицает, а, наоборот, подчеркивает роль мистического в реальном образовании, просвещении. "Просвещение невозможно без посвящения... То, что нам не нравится свет "Зарницы", вовсе не свидетельствует о неэффективности самой этой мистерии" (с. 67). "В христианской практике очень много мистерии, таинства... И то, что человек получает в результате основной мистерии, – это "причастие", "приобщение". В процессе мистериального обучения человек не узнаёт что-то, чего не знал раньше, но действительно "присваивает" и "проживает" новую реальность. Он, конечно, входит в нее, образуется ею, но это очень далеко от холодного знания. Важней всего, что эта реальность становится своей, становится живой" (с. 68).

Но: "Если в мистерии нет игры, то нет и отчуждения, нет структуры и правил, нет мифа и обряда. Нет человека, а есть сплошная каша". Чувство "растворения", так сказать... Надо бы самыми возвышенными словами сказать о педагогах, которые не унизились до роли крысолова с его удочкой, а устроили детям игру-мистирию. Тем самым они дали им возможность отчуждаться друг от друга и от учителя. Это очень трудно. Ведь учителю надо убедить учеников, что он не всезнайка... Но если учитель искренне верит сам и убедил учеником в том, что он хоть и мистагог, но прежде всего такой же игрок, такой же мист, как они, то начинается совсем другой процесс. Ученики почувствовали существование своего и чужого, а значит, ответственность и свободу. Любому пастырю уже будет трудновато повести таких, как стадо баранов на заклятие... Опыт принятия решений, а значит, отчужденности, замкнутости и сосредоточенности не позволит им стать крупницей толпы, винтиком в машине. Одиночество и осознание себя позволит осознать существование другого. А это уже путь к свободе и толерантности" (с. 77-79).

Боже мой, как все запущенно. Разве не смотрясь в другого, человек начинает видеть себя? Свобода одинокого – от кого? Ответственность его – перед кем? Толерантность, сиречь терпимость, – не слишком ли мало для такого же, как ты сам, образа и подобия Бога? Как сильно в нас сидит сталинская метафора "винтика"! Как боимся мы быть "баранами на заклятие"! Пусть лучше "стригут"?

Можно и дальше продолжать эти почти риторические вопросы. Но вряд ли стоит это делать. Спасибо Е.Ф. Сабурову уже за то, что он обращает наше внимание на неразрывную связь образования (просвещения) и посвящения, причастия к "тайне жизни". Когда-то церковь в нашей стране была отделена от школы. Правда, только на словах. На деле "коммунистическое воспитание" вполне заменило уроки "Закона Божьего" и с тем же результатом, преимущественно негативным для самого предмета. На самом деле об-

разование гораздо шире, чем то, что происходит в школе на уроках. Если общество хочет иметь будущее, оно должно озаботиться тем, как просвещение новых поколений приобщает их к верованиям, на которых зиждется жизнь самого общества. "Как оказалось, жизнь не демифологизируется... Люди снова и снова создают и проходят мистерии, соединяющие миф и обряд, для того, чтобы присвоить и прожить то, что делает их живыми людьми" (с. 70). "Но если целью мистерии является присвоение и проживание знания, то, стало быть, между мистом и тайной устанавливается интимная связь, которая вообще бывает возможной только при взаимном влечении друг к другу. Для того чтобы согласиться с этим, вовсе не обязательно быть верующим человеком" (с. 72).

Тем не менее, полное отсутствие вежливости к Богу, по мнению Е.Ф. Сабурова, нисколько не влияет на неизменную вежливость Бога к нам (с. 117). "Мы живем в пространстве верований... Когнитивные возможности не лежат в каком-то другом пространстве, нежели пространство верований. Оно одно. С уверенностью можем утверждать только то, что это пространство достаточно сложно устроено и неоднородно... Пространство верований целиком не принимает никто... Проникновение в пространство верований или даже... само формирование этого пространства – тайна за семью печатями... Во всяком случае там разум еще не работает. Этот инструмент начинает использоваться нами тогда, когда мы приступаем к вербализации пространства верований, то есть переходу от верований к идеологиям... Разница между верой и религией достаточно очевидна. Религия – это уже форма связи. Процесс рационализации уже зашел достаточно далеко. В этом смысле религии и идеологии мало отличаются друг от друга... Вопрос о вербализации сложнее. Переход от верований к идеологии и религиям осуществляется переживанием мифа и обряда... Их связь, переход с помощью игры, неразрывно связывающей миф и обряд, и есть образование человека" (с. 118-122).

Итак, игра, игра, игра... Даже по поводу смерти Христа, Его искупительной жертвы, на ежедневной литургии? Но ведь сам автор смерть, как и рождение, игрой не считает, равно как еду и, почему-то, половой акт (с. 42). Если правда, что "любовь и голод движут миром", то что тогда остается на долю игры?

Вспоминается старая китайская шутка: "Человек спит и ему снится, что он – бабочка, которой снится, что она человек. Просыпается и не знает – то ли он человек, которому снится, что он – бабочка, то ли бабочка, которой снится, что она – человек". Похоже, что и сама книга "Власть отвратительна" – игра автора с читателем. На одной из страниц он, вроде бы, оставляет А.С. Пушкина в прошлом: "Уже на высочайшем государственном уровне повторена формула А. Григорьева: "Пушкин – это наше все". Это конец. Дальнейшее молчанье. Если бы не Тютчев. Только гениальность Тютчева помогла России разрушить пушкинское оцепенение и продвинуться по романтическому европейскому пути" (с. 127). И чем же заканчивает автор свою книгу? Правильно, А.С. Пушкиным, причем почти молодым (1825 г.): "Молчи, ты глуп и молоденок, Уж не тебе меня ловить. Ведь мы играем не из денег, А только б вечность проводить!" (с. 135). А как с вечностью обстоят дела у Вас, уважаемый читатель?

Кажется, А. Шопенгауэр в свое время сказал, что текст, содержащий мысль, надо читать, по крайней мере, дважды, поскольку с первого раза мысль не может быть вычитана в том виде, в каком она представляется автору. Уверен, что книгу Е.Ф. Сабурова каждый, кто интересуется образованием, да и не только им, прочтет с пользой для себя неоднократно.

"Постулаты Сабурова"

	Постулат	Вывод общий	Вывод для будущего, для школы
1	Одиночество – это благо.	Отчуждение – магистраль развития. Одиночки могут быть толерантны. Толпа – никогда.	Чем дальше ученик от учителя, тем он успешней в дальнейшей жизни. Весьма вероятно, что из него выйдет толк.
2	Жизнь – это устойчивое неравновесие.	Стабильность, адаптивность и "экономические равновесные состояния" – признаки отсутствия свободной энергии, то есть омертвления.	Образование, то есть формирование по какому-то образцу, ведение детей, навязывание им своих психических претензий, так называемая любовь к детям – все это ведет общество в тупик. Детям надо только показывать свет.
3	Источники свободной энергии – в языке.	В экономике, в науке, в технике происходит развитие, но не создание по-настоящему нового. Человеческий язык создает поэт. А язык общества – политик.	Дети просвещаются, когда добиваются успехов в собственных проектах. Информация о причинах и следствиях несъедобна. Нужно горячее, а не холодное знание.
4	Поэт не предлагает, а заставляет.	Сопrotивление новым верованиям возможно и в коротком промежутке времени эффективно, но в длительной перспективе – безрезультатно.	Основой школьного просвещения должно быть не предметно-научное обучение, а вступление во владение нашей единственной собственностью – нашим прошлым.
5	Суверенитет, власть – это хлам, мешающий жить.	"Авторитетность", "сила", "управление", "собственность" – это не власть, а инструменты эффективной самоорганизации. Людьюми никто не владеет и не должен владеть никогда.	Все военно-политические мифы и обряды должны быть изгнаны из школы. История не должна представляться чередой кровавых разборок между коронованными и некоронованными убудками.
6	Либерализм и анархизм наиболее соответствуют человеческим устремлениям.	Строительство эффективного желаемого будущего – долгая и трудная работа в отличие от того, что думали либералы и анархисты в романтическом порыве. Эта работа не сводится ни к эволюции, ни к революции. Существующие эффективные институты – в экономике, в обществе – это результат, а не причина верований.	Если мы хотим жить естественно и комфортно, то альтернативы игровому обучению нет.
7	Мы вступили в игровое общество.	"Система", "сеть", "структура" – все эти слова и понятия, которые сейчас так эффективно работают вроде бы при осмыслении ситуации – это только площадки для игры. Устойчивое неравновесие требует акторов, завоевателей, людей, которые настроены на выигрыш. Игра – не имитация действительности, а сегодняшняя действительность. Игра требует не знаний, умений и навыка, а интеллекта.	Школа должна выявлять лучших не для того, чтобы они были властной элитой, а для того, чтобы они нас кормили.